

- Учитель, когда я вырасту, я хочу создать группу. Как думаешь, у меня получится?

До конца урока оставалось пять минут, и ученица внезапно задала такой вопрос.

Цинь Июй был озадачен.

Кажется, с тех пор как появился Нань И, слово [группа], которое давно не звучало, снова стало частым в его жизни.

У него было ощущение, что всё идет к черту.

Не получив ответа, девочка потянула за рукав Цинь Июя:

- Учитель Маленькая Рыбка? Ты слышал?

Это был псевдоним, который он использовал на уроках. Изначально Цинь Июй хотел назваться Большой Рыбой, но и начальник, и ученики звали его Маленькой Рыбкой, и он не стал спорить.

- Слышал, слышал, обе рыбки уши слышали.

- Создать группу... - он проглотил фразу «нельзя», которая чуть не сорвалась с языка, улыбнулся и погладил ребенка по голове. - Учитель думает, что когда ты вырастешь, сначала нужно заработать денег.

- А зачем?

- Потому что играть в группе - это дорого.

- Учитель, откуда ты знаешь?

- Когда вырастешь, поймешь.

Он работал в маленькой и отдаленной детской вокальной студии. Там всего три сотрудника, включая владельца, Ван Ляна, который преподавал скрипку.

Полгода назад Цинь Июй вернулся из Юньнана, был в плохом настроении, бродил вдоль второго кольца семь километров, проголодался и случайно зашел в лапшичную «Ланьчжоуская говяжья лапша». Там он сел за один стол с Ван Ляном, который как раз разговаривал по телефону и жаловался, что не может найти учителя по теории музыки для детей.

Цинь Июй послушал, взял палочки и указал на себя.

- Как думаете, я подойду?

В его состоянии он не мог нормально общаться со взрослыми, а с детьми - самое то.

Самое главное - ему не хватало денег.

Но Цинь Июй все еще боялся прошлого и не хотел, чтобы кто-то узнал о его истории с группой, поэтому оставил только псевдоним.

- Учитель Маленькая Рыбка, ты так красиво поешь, почему не участвуешь в конкурсах? На конкурсах можно выиграть много денег! Можно купить много конфет!

Детский вопрос вернул Цинь Июя к реальности.

Почему все так настойчиво толкают его на конкурсы, будто это вопрос жизни и смерти?

Он оперся локтем на стол, подбородок положил на ладонь и лениво сказал:

- Знаешь, что учитель больше всего не любит?

Ребенок наивно покачал головой:

- Что?

Он, в отличие от других, сначала показал средний палец.

- Первое - петь.

Затем указательный.

- Второе - соревнования.

Ребенок понятиливо кивнул:

- А третье?

Наконец, Цинь Июй показал безымянный палец.

- Третье - болтливых детей.

Тут ребенок замолчал и вдруг заплакал. Цинь Июй нашел салфетку и кое-как вытер ей нос, но видя, что она не успокаивается, сам начал громко плакать.

Это сработало.

После урока Цинь Июй отвел ее вниз. На первом этаже стоял лоток с сахарными яблоками, он купил одну палочку с начинкой из клейкого риса и сверху большой зеленый виноград.

Заплатив, он протянул ее ученице.

- Спасибо, учитель! - ребенок чуть ли не двумя руками схватил палочку, но Цинь Июй не отпустил, и она не смогла ее вытащить.

- Кто сказал, что я отдаю всю палочку? Возьми только верхнюю ягоду. - Он поднял подбородок.

- Учитель не любит виноград.

Ребенок чуть не заплакал снова, топнул ногой и сердито сказал:

- Учитель, ты такой противный!

Цинь Июй откусил ягоду и невнятно пробормотал:

- Конечно, я самый противный учитель.

Ребенка забрали родители, и Цинь Июй поехал на автобусе в магазин Чжоу Хуая.

В последние дни было много клиентов, и Чжоу Хуай был занят. Руки были липкими, Цинь Июй

зашел, помыл их, затем сел на маленький стул и стал смотреть на них, не говоря ни слова, очень внимательно.

Обычно Цинь Июй всегда улыбался, руки в карманах, везде шалил. Его волосы были пушистыми и слегка вьющимися, глаза всегда полуприкрыты, как у ленивого большого кота, но на самом деле у него были черные и большие зрачки, и когда он молчал, широко раскрыв глаза, его взгляд становился острым, полным вызова и давления, как две бездонные черные пропасти.

Татуировщик, лежащий на животе, почувствовал мурашки по спине.

- Этот красавчик... следующий клиент?

- Он? Нет. - Чжоу Хуай, не отрываясь от работы, ответил: - Это мой друг.

- Ага. - Мужик прочистил горло. - Может, он выйдет? Он меня напрягает.

Цинь Июй мигнул большими глазами и бесстыдно улыбнулся:

- Брат, я его друг, не мафиози.

- Вали отсюда! - Чжоу Хуай остановил машинку и нашел ему дело. - Кстати, утром, когда я ехал, кошелек, кажется, остался в машине. Сходи, поищи.

С этими словами он бросил ему ключи от машины.

- Ладно, босс Чжоу. - Цинь Июй встал, наклонился к уху мужика и шепотом сказал: - Татуируйтесь спокойно.

Чжоу Хуай не выдержал и пнул его.

К сожалению, не попал.

Напевая детскую песенку, которую сегодня учил, Цинь Июй открыл дверь машины, сел на водительское сиденье, нагнулся и долго искал, но кошелек не нашел. Затем повернулся и проверил заднее сиденье, но тоже ничего не увидел.

- Обманул меня.

- Ладно, сейчас выкурю все твои сигареты.

Он открыл бардачок, привычно нащупал, но не нашел сигарет Чжоу Хуая, зато увидел письмо, спрятанное на самом дне.

Увидев на конверте слово «Юньнань», Цинь Июй замер.

Кривой почерк на конверте был ему слишком знаком.

В этот момент, как будто нажали на невидимый выключатель, в машине стало тихо, все звуки исчезли, даже свет потускнел.

Он вдруг вспомнил странное поведение Чжоу Хуая в последние дни - тот спрашивал, не приходили ли за долгами, говорил что-то невнятное, начинал фразу и не заканчивал.

Теперь всё стало ясно.

Конверт был вскрыт. Внутри было два листа: один – письмо, другой – рисунок, нарисованный карандашом. На рисунке были горы, а у подножия группа детей вокруг высокого человека – это был он, с кудрявыми волосами, слишком длинными ресницами, как у феи, и с родинкой на лице.

На рисунке он учил этих детей петь, ноты летали повсюду.

В полном контрасте с этим счастливым рисунком было содержание письма, настоящий контраст радости и печали.

Читая, Цинь Июй снова начал слышать голоса детей из гор, слышал, как учил их петь, и чем больше он слушал, тем холоднее становилось, его сердце будто падало с утеса юньнаньских гор, без конца.

Болезнь сердца, шок.

Эти плохие слова, как мотыльки, мелькали перед глазами, их невозможно было поймать, и они не заканчивались.

Время в машине будто остановилось. Когда Чжоу Хуай нашел его, уже стемнело.

- Ты что, там сдох, пока кошелек искал? – он открыл дверь машины и начал ругаться.

Но когда он увидел письмо в руках Цинь Июя, замер на месте и только через некоторое время смог снова заговорить.

- Не сердись, что я скрывал это, я... – Чжоу Хуай запнулся, – я не знал, как тебе сказать. У тебя и так куча проблем, откуда у тебя деньги на это...

- Как долго ты собирался скрывать? – Цинь Июй не разозлился, просто смотрел на него прямо, без обычной улыбки на лице.

Чжоу Хуай первым заволновался:

- Ну и что ты предлагаешь?! У ребенка серьезная болезнь, проблемы с сердцем требуют длительного лечения. Ты сам сейчас как глиняный Будда, переправляющийся через реку, – где у тебя деньги на благотворительность? Думаешь, всё как раньше?

После этих слов оба замолчали.

Чжоу Хуай почувствовал, будто в горле застрял нож. Раскаяние пришло быстро, он не должен был говорить так, особенно последнюю фразу.

В конце концов, смех Цинь Июя разорвал эту тишину.

- Ты прав. – Его голос был легким, он взял письмо и вышел из машины. – Я пошел.

Чжоу Хуай попытался его остановить:

- Я могу одолжить тебе денег, пусть ребенок сначала съездит в городскую больницу на обследование.

- Посмотрим, я сам сначала подумаю. - Цинь Июй не обернулся и пошел к темному переулку, помахав рукой. - Ложись спать пораньше.

Вернувшись домой, Цинь Июй вытащил из-под кровати пыльный футляр для гитары, сдул пыль и начал кашлять от нее.

Открыв футляр, он увидел ярко-оранжевую гитару, которая блестела под светом настольной лампы, как новая.

Раньше у него была целая комната гитар, как в музыкальном магазине, но потом он их либо выбросил, либо продал, осталось всего несколько.

Эту он оставил только потому, что это был подарок на его восемнадцатилетие.

Тогда мама, хотя и ругала его за то, что он не занимается делом, тайком купила гитару, о которой он давно мечтал, и положила ее у его кровати, пока он спал.

На следующее утро Цинь Июй схватил гитару и вбежал в комнату мамы, где она наносила макияж, и начал играть рождественскую песенку.

- Ты опять с ума сошел? - спросила мама, нанося помаду.

- Я сегодня обнаружил два шокирующих секрета!

- Какие?

Цинь Июй сыграл последние аккорды и серьезно сказал:

- Первый: оказывается, Рождество празднуют и летом.

Он отчетливо помнил, как мама нахмурилась и посмотрела на него с недоумением.

- Второй: Санта-Клаус - это женщина!

Вспоминая это, Цинь Июй почувствовал сильную головную боль.

Он встал, достал из холодильника банку пива, выпил половину залпом, сел на пол и написал сообщение своему боссу Ван Ляну.

[Маленькая Рыбка: Брат Лян, помнишь, ты просил своего двоюродного брата помочь мне продать гитару на сайте объявлений? Я тут переезжал и нашел еще одну.]

Он писал, стирал, снова писал и, наконец, нажал отправить, бросив телефон.

[Маленькая Рыбка: Пожалуйста, помоги мне ее продать.]

Выпив слишком много, в четыре утра Цинь Июй проснулся от боли в желудке.

Он больше не смог заснуть и решил позвонить Чжоу Хуаю, будто вечером они вообще не ссорились.

- Ты совсем больной! - Чжоу Хуай разозлился и начал ругаться, но взял трубку сразу.

Никто не упомянул письмо.

- Конечно, больной. - Цинь Июй взял четыре таблетки от желудка, запихнул их в рот и начал жевать, говоря невнятно. - Эй, Хуай, помнишь тот музыкальный фестиваль, на котором я выступал?

Голос Чжоу Хуая был сонным и раздраженным:

- Ты в свои лучшие годы столько фестивалей объездил. Как я могу вспомнить, о каком ты?

- Тот, что на пляже Анайя. Лето, тогда еще был сильный дождь, ветер такой, что флаг у одного парня внизу улетел в небо.

- А, ты тогда был в какой-то ужасной рубашке. Кто тебе ее выбрал, просто кошмар. - Чжоу Хуай ругался, но потом что-то вспомнил и окончательно проснулся. - Точно! Ты тогда заставил меня нарисовать тебе картину, я как художник-криминалист два часа корпел, и ни копейки не получил. Я просто лох!

- Да, это та картина. - Цинь Июй до сих пор ее хранил. - Я просил тебя нарисовать его глаза, и сегодня мне снова приснилось.

На самом деле, Цинь Июй до сих пор не мог понять, почему это произвело на него такое впечатление, но когда это случилось, это было еще более невероятно.

Как можно так заикнуться на чьих-то глазах?

Тот день был, пожалуй, самым ярким в его жизни, вершиной параболы.

Группа [Угол Хаоса] только что выпустила новую песню, и на большом музыкальном фестивале они объявили о туре. Тысячи людей стояли внизу, смотря на него. Выступление было почти идеальным, его импровизация была лучше, чем когда-либо.

Стоя на колонках, под дождем, в тот момент Цинь Июй чувствовал, что у него есть весь мир.

Порыв ветра поднял плащи зрителей, создавая яркую волну, все были мокрые, но счастливые. Цинь Июй смеялся, слушая, как другие участники группы шутят, но его взгляд поймал шляпу, которую сдуло с одного из зрителей.

Хозяин шляпы был в маске. Он поднял голову, его короткие черные волосы растрепались, открыв светлые глаза.

Эти глаза, словно острые крюки, смотрели прямо на него, в прозрачных радужках отражался свет сцены. В момент зрительного контакта Цинь Июй почувствовал, будто столкнулся с волком, забредшим в толпу.

Но через мгновение человек исчез, как призрак.

Цинь Июй оцепенел на сцене, даже пропустил вступление к следующей песне. Он чуть не спрыгнул со сцены, чтобы найти того человека в толпе, вытащить эти острые крюки, но у него не было времени - басист Сюй Сы схватил его за руку.

Это странное поведение позже даже стало «доказательством» слухов о наркотиках.

Позже он пытался найти того человека, даже запросил у организаторов жесткий диск фотографа, но так и не нашел его.

Может, это был просто галлюцинация? Но в тот день он не пил и был трезвее, чем когда-либо.

Даже реальные воспоминания могут исчезнуть, поэтому, как только самолет приземлился в Пекине, Цинь Июй нашел Чжоу Хуая и заставил его нарисовать те глаза по описанию.

Тогда Чжоу Хуай не понимал, зачем это нужно, и рисовал, пока ел арбуз.

[Нравится? Просто глаза, что в них такого?]

Цинь Июй задумался.

[Настолько, что если бы я захотел взорвать Землю, то сначала бы отправил его на космическом корабле, а потом бы взорвал и пошел за ним.]

Чжоу Хуай был в шоке.

[Ты совсем больной.]

- Это было несколько лет назад, а ты до сих пор видишь это во сне, больной. - Чжоу Хуай ругался, но потом начал жаловаться. - Я тогда тебе рисовал до двух ночи. А ты еще заставил меня сделать тебе татуировку, я еле глаза открывал!

Цинь Июй дотронулся до кадыка.

Во сне он едва узнавал того дерзкого, уверенного в себе себя, но все равно четко помнил те несколько секунд оцепенения.

Тот момент был настолько сильным, что тогда он, словно под гипнозом, захотел остаться.

С легкой усмешкой Цинь Июй тихо сказал:

- Да, как так вышло, что снова приснилось?

Sternstunde - самый драматичный и переломный момент в жизни.

Той ночью он взял карандаш, который Чжоу Хуай бросил на стол, и написал эти буквы в углу рисунка, сказав:

- Сделай мне татуировку с этим.

Цинь Июй с какой-то маниакальной уверенностью считал, что это был его звездный момент.

Момент, когда его поймали загадочные глаза.

<http://bllate.org/book/14694/1313130>